

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 274.5 (470.44) (09) + 929 Фесслер

И.А. ФЕССЛЕР В ПОВОЛЖЬЕ: О ЧЕМ «ЗАБЫЛ» АВТОР МЕМУАРОВ

Д.В. Горбачев

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitr87@inbox.ru

Статья представляет собой первый в отечественной и европейской историографии пример критического анализа мемуаров немецкого мыслителя, общественного и религиозного деятеля, литератора и масона И.А. Фесслера, касающихся его пребывания в Саратовском Поволжье в 1810–1820-х гг. Автор статьи ставит целью оценить степень информативности и достоверности мемуаров, для этого выясняя, о каких темах Фесслер предпочёл умолчать (обстоятельства его переезда в Саратовскую губернию из Петербурга, саратовское масонство, конфликты, связанные с церковной жизнью поволжских немцев).

Ключевые слова: И.А. Фесслер, мемуары, анализ источника, поволжские немцы, масонство, церковное управление.

I. A. Fessler in Volga Region

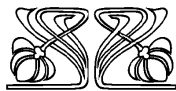
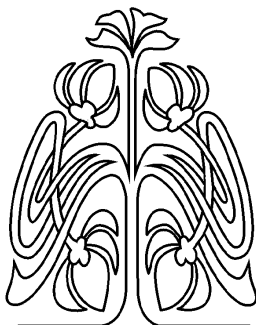
D.V. Gorbachev

In Russian and European historiography D. V. Gorbachev's article presents the first example of a critical analysis dealing with memoirs of I. A. Fessler, being a German thinker, public and religious figure, writer and freemason. The author purposes to estimate the reliability of information about Fessler's stay in Saratov Volga region in 1810–1820th which is described in these memoirs. In connection with this aim author ascertains the subjects, which are passed by Fessler over (circumstances of his journey from St. Petersburg to Saratov province, Saratov Freemasonry, conflicts connected with a church practice of the Volga Germans).

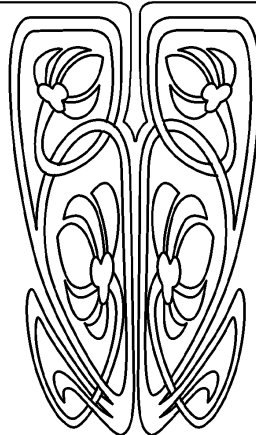
Key words: I. A. Fessler, memoirs, sources analysis, the Volga Germans, Freemasonry, Church administration.

Жизненный путь некогда хорошо известного в России и Европе немецкого мыслителя и писателя, доктора теологии Игнатия Аврелия (в монашестве – Иннокентий) Фесслера тесно связан с историей Саратовского Поволжья.

Фесслер оставил после себя мемуары, которые всегда служили едва ли не самым важным источником для его биографов. Данные мемуары под названием «Воспоминания о моих семидесятилетних скитаниях»¹ были целиком созданы в Саратовской губернии, где Фесслер находился с 1811 года. Однако та их часть, что касается его пребывания в Саратове, практически не была использована исследователями, поскольку как самостоятельной проблемой изучением деятельности Фесслера в Поволжье практически никто не занимался². Исследователи же, которые в своих работах все же упоминали о Фесслере в связи с историей Саратовской губернии, мало интересовались собственно биографией Фесслера и опирались на иные источники, содержащие либо официальную информацию о его деятельности на посту руководителя Саратовской евангелической консистории, либо проливавшие свет на его тайные масонские предприятия³. Даже наиболее с научной точки зрения обстоятельное и современное исследование жизни и деятельности Фесслера, принадлежащее перу австрийского исследователя Петера Ф. Бартона⁴ весьма поверхностно и фрагментарно использует

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

этот источник. П.Ф. Бартон черпает из мемуаров Фесслера «исторические факты», не пытаясь (да и не имея порой возможности) сопоставить их с данными других источников и поставить вопрос о полноте и достоверности сообщаемых автором событий. Для П.Ф. Бартона мемуары Фесслера остались практически единственным источником информации о пребывании Игнатия Аврелия в Саратовском крае⁵.

Таким образом, та часть мемуаров Фесслера, которая касается его пребывания в Саратовском Поволжье, до сих пор практически подвергалась критическому анализу, а содержащаяся в ней информация крайне слабо использована в научной работе.

В настоящей статье и предпринимается попытка восполнить эту лакуну. При этом интересна не только фактологическая сторона вопроса (насколько достоверны и полны воспоминания Фесслера), но и содержащиеся в мемуарах философские размышления, позволяющие нам лучше понять некоторые аспекты его мировоззрения.

Первое, что обращает на себя внимание – масон Фесслер ни слова не упомянул о саратовском масонстве. Фесслер «забыл» о ложе, основанной им в Саратове в 1815 г.⁶, которая к началу 1820-х гг. насчитывала более двадцати членов, среди которых были почти все должностные лица возглавляемой Фесслером Саратовской евангелической консистории, ряд русских офицеров, близких впоследствии к декабристским организациям. Это была одна из первых в России лож нового типа – неподконтрольная властям и полностью автономная, не входящая ни в какие масонские союзы⁷. Мемуары Фесслера были изданы в Бреслау в 1824 г., а в 1822 г. масонские ложи были запрещены в России императорским указом и афишировать свою принадлежность к братству стало небезопасно.

В воспоминаниях Фесслера о его пребывании в Саратовском крае преобладает беглое описание фактических событий, автор редко и скупко комментирует их обстоятельства или уточняет подробности. В мемуарах много смысловых пробелов, они порой откровенно фрагментарны и, как выясняется при знакомстве с другими источниками, далеко не полны. Так, Фесслер изображает свой переезд из Петербурга в Вольск как результат «высочайше дарованной свободы», которая позволила ему в провинциальной тиши плотней заняться научной работой⁸. Автор ничего не говорит о том, что его отъезд из столицы был по сути высылкой, которая явилась следствием неудачной попытки реформировать русское масонство, результатом масонских интриг и доносов, обвинений в политической неблагонадёжности и «безбожии»⁹.

Фесслер не скрывал того, что пост руководителя пансиона «ПроPILEи» в Вольске он рассматривал как sineкура и занимался не столько делами порученного ему учреждения, сколько

работой над своим главным историческим трудом – «Историей венгров»¹⁰. Однако мемуарист обходит молчанием тот факт, что несмотря на свой образ жизни тихого кабинетного учёного, он в преддверии войны с Францией стал объектом подозрений в шпионаже¹¹.

В 1815 г. Фесслер вместе с семьёй переселился по приглашению религиозного братства гернгутеров в поволжскую немецкую колонию Сарепту¹². Он с большой теплотой вспоминает о жителях колонии и её администрации, отмечая их радушное гостеприимство и интерес к его теологическим воззрениям, и особо подчёркивает, что именно это подвигло его вновь, после двадцатилетнего перерыва, начать читать церковные проповеди¹³. При этом Фесслер скромно умалчивает о том, что его проповеди имели такой успех, что в Сарепте он превратился в некое подобие местного духовного лидера, особенно для молодого поколения колонистов, проникшегося его идеями. Его влияние, соединённое с тягой всюду, куда он только ни попадал, затевать реформу, даже привело к тому, что община обратилась к руководству духовного сообщества в германском городе Гернгут с проектом реформирования всего братства. Однако эта инициатива не получила поддержки от консервативного немецкого руководства гернгутеров¹⁴.

Несмотря на то, что своей деятельности на посту руководителя Саратовской евангелической консистории Фесслер посвятил в мемуарах отдельную и довольно объёмную главу, рассказ о ней тоже очень неполон – характерной чертой мемуаров и в этой части является замалчивание «проблемных» тем, Фесслер явно не хотел рассказывать о конфликтах и интригах, связанных с церковным управлением.

Своё назначение Фесслер описывает как божественную милость. Будто Бог призвал в свою службу его, мечтавшего на склоне лет лишь о покое, и тем самым наделил его особой миссией¹⁵. При этом он не упоминает об интригах, которыми сопровождалось создание протестантских епископств и консисторий в России в 1819 г., – столичные друзья Фесслера добивались его назначения на пост Петербургского епископа, главного в стране, которому формально подчинялись все остальные, но слишком многим не хотелось видеть во главе всех российских протестантов деятельного и неуживчивого Фесслера¹⁶. В связи с этим назначение Фесслера на пост епископа Саратовского и суперинтенданта и духовного председателя Саратовской евангелической консистории порой вообще трактуется как sineкура, выпавшая ему вместо более высокого и ответственного поста¹⁷.

Фесслер упоминает о том, что своё руководство поволжскими протестантами, к которому он фактически приступил в 1820 г., ему пришлось начать с разбирательств с местными пасторами – Фрюауфом из Лесного Карамыша и Лиммером из Саратова¹⁸. Однако Фесслер лишь бегло

упоминает об этих конфликтах, совершенно не касается их причин и обстоятельств и ничего не говорит о том, что если разбирательство с, выражаясь современным языком, «профессионально непригодным» Фрюауфом прошло быстро и без проблем, то скандал с Лиммером, который подозревал новоиспечённого епископа в попытках «вернуться к католичеству»¹⁹, вышел за пределы диоцеза, вовлёл в свою орбиту местную лютеранскую общину, к которой Фесслер вынужден был обратиться как к посреднику в споре²⁰, потребовал вмешательства центральной власти, даже вызвал определённый резонанс за границей, после того как Фесслер и отстранённый от своего поста Лиммер опубликовали друг против друга полемические сочинения²¹.

Фесслер признаёт в своих мемуарах, что его нововведения вызвали определённое недовольство и обвинения в деспотизме²², однако он не конкретизирует причины и суть этих обвинений, фактически он игнорирует в своих мемуарах обвинения в свой адрес, предпочитая не полемизировать с противниками, а удовлетвориться тем, что «дискуссия была закрыта» и он смог, опираясь на консисторию, провести свои преобразования²³.

Подробно Фесслер останавливается только на второстепенном споре вокруг пасторского одеяния²⁴, которое он попытался унифицировать, словно специально отвлекая внимание читателей от более важных вопросов.

Фесслер рассказывает в своих мемуарах о реорганизации церковного управления, вызванной недостатком пасторов и представлявшей собой создание новых приходов и вызов для них пасторов из-за границы²⁵, но не упоминает о том, что в ходе этого мероприятия он ликвидировал автономию поволжских кальвинистов, подчинив их общины лютеранским пасторам²⁶, и лишь мимоходом сетует на «сектантский дух между лютеранами и реформатами»²⁷, появление которого сам во многом спровоцировал.

Специально останавливаясь на осуществлённой им реформе церковных обрядов и служб²⁸, Фесслер однако не упоминает о том, что эта реформа послужила причиной для того, чтоб его начали обвинять в стремлении реставрировать в лютеранской церкви католические порядки – бывший католик, перешедший в лютеранство, Фесслер возродил в протестантских общинах длинную торжественную литургию, изображения святых и отменённое ещё при Лютере публичное покаяние²⁹.

Понимая, какие негативные эмоции вызывает у лютеран сам епископский сан, напоминающий о папской власти, Фесслер вообще не упоминает о своём назначении на эту должность, называя себя лишь суперинтендантом и духовным президентом консистории³⁰.

Фесслер касается в своих мемуарах мероприятий по улучшению школьного образования в колониях, вызову новых учителей и шультмей-

стеров, но умалчивает о проблемах, которые возникли при этом с центральной властью, – МВД, курировавшее в то время образование, отвергло предложенный Фесслером проект расширения учебного курса в колониальных школах, введения в них преподавания русского языка, устройства удобных школьных зданий и заведений за счёт общин «учительской семинарии» (говоря современным языком – педагогического училища)³¹.

Ценной стороной мемуаров Фесслера является также то, что это на сегодняшний день практически единственный источник, проливающий свет на его повседневную и личную жизнь во время пребывания в Поволжье. В них нашли отражение переживания Фесслера из-за смерти 21 августа 1823 г. его жены Каролины Марии. Фесслер вспоминает умершую супругу в первую очередь как «верную и заботливую жену, нежную мать и наставницу своих детей, умную хозяйку и набожную терпеливую женщину»³², что подчёркивает его приверженность традиционным христианским семейным идеалам и представлениям о роли женщины.

Упоминает Фесслер в своих мемуарах и о своём новом браке с вдовой Амалией Мовильон, последовавшем вскоре после смерти Каролины Марии, аргументируя своё намерение жениться в третий раз в возрасте шестидесяти восьми лет желанием найти опять же таки «верную женскую душу» и «хорошую хозяйку»³³.

Характерной чертой мемуаров Фесслера являются обширные философско-дидактические отступления, по большей части связанные с религиозными вопросами. Доктор теологии Фесслер указывает на ряд причин переоценки собственных религиозных взглядов (контакты с поволжскими гернгутерами, опыт религиозных размышлений прошлых лет), но главной причиной считает смерть своей шестилетней дочери Анжелики Марии 2 апреля 1816 г.³⁴ Это была не первая потеря в семье Фесслера – 17 марта 1811 г. умерла его дочь Аврелия, которой не было и двух лет³⁵ – но смерть Анжелики Марии стала для него еще большим ударом, который привёл его, как он сам выразился, к «осознанию своей ничтожности перед Богом»³⁶.

Бывший вольнодумец Фесслер предстает перед читателями его мемуаров как человек покорный и готовый к самоуничижению (которое, однако, не мешало ему проявлять крутой нрав в церковном управлении), как пастор, сделавший служение Богу целью своей жизни. Фесслер считает, что всю жизнь заблуждался, потому что «хотел от Бога больше, чем ничего»³⁷, и при этом заявляет, что теперь, когда он целиком смирился перед Богом, тот «унизил его, чтобы помочь»³⁸ и призвал его к себе на службу в качестве «работника одиннадцатого часа»³⁹.

Фесслер, мировоззрение которого всегда отличалось соединением очень разных элементов, в своих мемуарах твердит о своём «ничтожестве» перед Богом и одновременно обосновывает свои

претензии на особую миссию и власть в вопросах религии и духовной жизни колонистов.

Большое отступление Фесслер посвящает вопросам воспитания, однако все его рассуждения в этой области вертятся вокруг одной только религиозной компоненты. В представлении Фесслера все должно быть пронизано религией и никакая человеческая мудрость не должна мешать «свободной работе божественного духа в сердце»⁴⁰.

В целом воспоминания Игнатия Аврелия Фесслера о его пребывании в Саратовском Поволжье представляют собой ценный источник, позволяющий восстановить основную событийную канву этого периода его жизни, а также охарактеризовать эволюцию его мировоззрения в эти годы. Однако нельзя упускать из виду того, что эти мемуары отличаются крайне избирательным подбором упоминаемых фактов, многочисленными замалчиваниями «скользких» тем, стремлением не касаться конфликтов, постоянно вспыхивавших вокруг Фесслера. Воспоминаниям Фесслера свойственна довольно низкая степень откровенности с читателями, что, возможно, связано с тем, что автор на момент публикации был высокопоставленным лицом и не хотел придавать огласке многие факты своей биографии, касающиеся проблемных тем. При использовании информации из этого источника исследователю необходимо проверять и дополнять её с помощью иных источников, в первую очередь архивных.

Примечания

- ¹ Fessler I.A. Rueckblicke auf seine siebzigjaerige Pilgerschaft. Breslau, 1824. Переизданий мемуаров впоследствии не было, они сохранились до нашего времени в единственной редакции. Данный источник относится к типу письменных, а точнее, к их разновидности – нарративным источникам, и представляет собой связное повествование автора об основных событиях своей жизни в хронологическом порядке, иногда прерываемое его пространными рассуждениями на философские темы. Аудиторией, к которой обращался автор в своём сочинении, очевидно, была немецкоговорящая образованная публика первой половины XIX в. – интеллигенция прусской и австрийской монархии, а также мелких германских государств, чиновничество, образованное бюргерство, лица духовного звания.
- ² См. напр.: Попов Н.А. И.А. Фесслер, биографический очерк // Вестник Европы. 1879. № 12. С. 586 – 643.
- ³ См.: Спасский Н.А. (Русский). О народном образовании в немецких поселениях в Поволжье // Русский вестник. 1897. № 8-10; Лушин А. Н., Серков А. И. Тайна саратовского масона // Четыре века. Саратов, 1991; Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997; Серков А. И. История русского масонства XIX века. СПб., 2000; Малов Н. М. Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. В.Н. Данилова. Саратов, 2002. С. 190–215;
- Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI – XX вв.). М., 2003.
- ⁴ См.: Barton P. F. Ignatius Aurelius Fessler. Wien-Koeln-Graz, 1969.
- ⁵ См. также его работы: Barton P. Jesuiten, Jansenisten, Josephiner. Eine Fallstudie zur fruhen Toleranzzeit: Der Fall Inocentius Fessler. Wien; Koeln; Graz, 1978; Idem. Erzieher, Erzaehler, Evergeten. Ein Beitrag zur politische Geschichte, Geistes- und Kirchengeschichte Schlesiens und Preussens 1786/1788–1796. Fessler in Schlesien. Wien; Koeln; Graz, 1980.
- ⁶ См.: Лушин А. Н., Серков А. И. Указ. соч. С. 137-138.
- ⁷ См.: Серков А. И. Указ. соч. С. 170-171. Исследователь масонской деятельности Фесслера в Поволжье должен целиком полагаться на другие источники, в первую очередь – архивные материалы. См.: НГИКМЗ. Ф. Аверниевых. ГОМ-16082-160. П. 129; НИОР РГБ. Ф. 147. К. 89. Ед. хр. 24; ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 491; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. Д. 2240 («Записка о масоне Фесслере...»).
- ⁸ Fessler I.A. Rueckblicke... P. 355.
- ⁹ См.: Копф М. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 259; Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 346, 378-379; Письма П.И. Голенищева-Кутузова к гр. А.К. Разумовскому // Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. СПб., 1880. С. 332, 501.
- ¹⁰ Fessler I. A. Die Geschichte der Ungern und ihrer Land-sassen. 1 – 10 Theil/ Leipzig 1815-1825.
- ¹¹ Цит. по: Малов Н. М. Указ. соч. С. 196.
- ¹² См.: Fessler I.A. Rueckblicke... P. 358.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 295–296.
- ¹⁵ См.: Fessler I.A. Rueckblicke... P. 370.
- ¹⁶ См.: Barton P.F. Ignatius Angelina Fessler. P. 498.
- ¹⁷ См.: Beratz G. Die deutschen Kolonien an der unteren Wolga in ihrer Entstehung und ersten Entwicklung. 1764-1914. Saratov, 1915. P. 232; Schmidt D. Studien uber die Geschichte der Volgadeutschen. Pokrovsk; Moscou; Kharkov, 1930. P. 203; Дитц Я. Указ. соч. С. 296.
- ¹⁸ См.: Fessler I. A. Rueckblicke... P. 379.
- ¹⁹ См.: Дитц Я. Указ. соч. С. 296, 301-302; Bourret J.-F. Les Allemagns de la Volga. Histoire culturelle d'une minorité. 1763-1941. Lyon, 1986. P. 173.
- ²⁰ Об этом ценную информацию могут дать архивные источники. См.: ГАСО. Ф. 852. Оп. 1. Д. 7. Л. 370, 374. Подробнее см.: Горбачев Д.В. Три саратовских письма И.А. Фесслера: анализ новых источников // Новый век: история глазами молодых: Сб. науч. тр. аспирантов и студентов Ин-та истории и междунар. отношений СГУ. Саратов, 2009. Вып. 8, ч. 2. С. 133–138.
- ²¹ См.: Limmer K. Meine Verfolgung in Russland. Eine aktenmaessige Darstellung der Jesuitischen Umtriebe des D. Ignatius Fessler und seiner Verbuendeten in Jenen Gegenden (von Karl Limmer, vormals Consistorial-Rath und Prediger zu Saratow), Le. 1823; Fessler I.A. Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow Karl Limmer. Dospat.; Riga, 1823.
- ²² См.: Fessler I. A. Rueckblicke... P. 395.
- ²³ Ibid. P. 396.

- ²⁴ Fessler I. A. Rueckblicke... P. 412–414.
²⁵ Ibid. P. 381–382, 387.
²⁶ См.: Bonwetch G. Geschichte der deutschen Kolonien an der Volga. Stuttgart, 1919. P. 74.
²⁷ Fessler I. A. Rueckblicke... P. 401.
²⁸ Ibid. P. 390–391.
²⁹ См.: Думц Я. Указ. соч. С. 297–299.
³⁰ См.: Fessler I. A. Op. cit. P. 374.
³¹ См.: Снасцкий Н.А. (Русский). Указ. соч. С. 50–51.
³² Fessler I. A. Op. cit. P. 403.
³³ Ibid. P. 404.
³⁴ Ibid. P. 358.
³⁵ Ibid. P. 356.
³⁶ Ibid. P. 362, 364.
³⁷ Ibid. P. 363.
³⁸ Ibid. P. 364.
³⁹ Ibid. P. 370.
⁴⁰ Ibid. P. 369.

УДК 271.2 (470.44)(09) + 929

РАБОТА Г.И. ЧЕРНЫШЕВСКОГО НАД СОСТАВЛЕНИЕМ «ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО И СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ САРАТОВСКОЙ ЕПАРХИИ» (1850–1856 годы)

И.Е. Захарова

Музей Н.Г. Чернышевского
E-mail: Sarusadba@yandex.ru

Составление в середине XIX в. историко-статистических описаний епархий по всей России по проекту Синода явилось важным этапом в развитии региональной истории и краеведения. На основе приводимых в статье архивных материалов можно проследить методику работы протоиерея Г.И. Чернышевского над составлением статистического исследования по истории Саратовской епархии.

Ключевые слова: XIX век, Синод, Саратовская епархия, консистория, «Саратовские епархиальные ведомости», духовенство, Г.И. Чернышевский, Иаков (Вечерков), А.М. Правдин, В.П. Соколов, А.А. Лебедев.

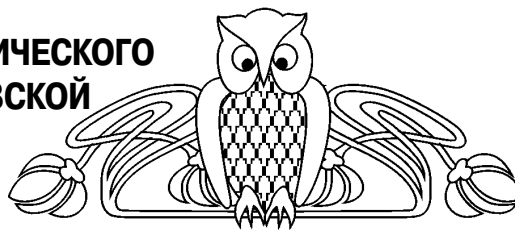
Work G.I. Chernyshevsky over Drawing up of «The Church-Historical and Statistical Description of the Saratov Diocese» (1850–1856)

I.E. Zaharova

Drawing up in the middle of XIX in history-statistical descriptions of dioceses across all Russia under the Synod project was the important stage in development of regional history and study of local lore. On the basis of archival materials resulted in article it is possible to track a technique of work of archpriest G.I. Chernyshevskii over drawing up of statistical research on stories of the Saratov diocese.

Key words: XIX th century, the Synod, the Saratov diocese, consistory, «the Saratov diocesan sheets», clergy, G.I. Chernyshevsky, Iakov (Vecherkov), A.M. Pravdin, V.P. Sokolov, A.A. Lebedev.

Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви XIX – нач. XX вв., наряду с епархиальными ведомостями, справочниками и трудами церковно-археологических комитетов, обществ и комиссий, относятся к числу основных печатных источников по региональной церковной истории России дореволюционного периода. При этом этот особый жанр был до-

вольно распространен в церковно-исторической регионалистике того периода. Публиковались как общепархиальные описания, так и историко-статистические описания церквей и монастырей (отдельными книгами и в епархиальных или губернских ведомостях). Работу по составлению епархиальных историко-статистических описаний, предпринятую по проекту правительствующего Синода в середине XIX в., можно считать вехой в развитии региональной истории и краеведения.

Ошибочным представляется суждение, что составление Историко-статистических описаний епархий началось только после предписания Синода от 19 мая – 6 октября 1850 г. по предложению обер-прокурора Николая Александровича Протасова. По инициативе местных протоиереев подобные материалы собирались и ранее. Известно, что в 30–40-е гг. подобные описания епархий по России были сделаны, например, в Могилевской, Оренбургской, Казанской и др. епархиях¹.

По материалам к истории Саратовской епархии, собранным и опубликованным А.А. Лебедевым в начале XX в., также видно, что в 30–40 гг., когда епархией управлял архиерей Иаков (Вечерков), подобная работа проводилась². Существует также мнение, что в 1840-х гг. Чернышевский по указанию Иакова занимался составлением исторического описания Саратовской епархии, используя присылаемые по требованию архиерея материалы³. В частности, А.А. Лебедев указывает в «Материалах...», что результатом обработки поступивших Иакову сведений со всех концов епархии «явилось “Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской Епархии”», составленное в 1845 г. прот. Г.И. Чернышевским,